

³⁷ Там же. Л. 202 об.

³⁸ *Оглоблин Н. Н.* Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). М., 1900. Ч. 3. С. 179.

³⁹ *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации... С. 374.

⁴⁰ Там же. С. 338. Спиридон Яковлев отсутствует в указателе Голиковой. Не упоминается он и в других работах, к которым я обращалась. К сожалению, фамилия «Яковлев» чрезвычайно распространена и ее трудно проследить с уверенностью. Например, 11 марта 1636 г. вятчанин Игнатий Яковлев из Хлынова продал кобылу в Великом Устюге. Возможно, он имеет отношение к Андрею Гостеву, но для того, чтобы установить эту связь наверняка, необходимы более прочные данные (см.: Таможенные книги Московского государства... Т. 1. С. 266).

Д. З. Фельдман

ЕВРЕЙСКОЕ КУПЕЧЕСТВО В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ XVII в.: ПОЛОЖЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Произошедшее в первой трети XVII в. обострение русско-польских отношений привело к кратковременной войне с Речью Посполитой за утраченные смоленские земли в 1632–1634 гг. Смоленская война оказалась неудачной для России и не сняла имевшихся противоречий с соседней Польшей, результатом чего стало длительное военное противостояние между двумя государствами в 1654–1667 гг.

В ходе военных действий в России оказалось значительное число пленных («иманы во языцех»), среди которых находились и польско-литовские евреи, составлявшие у себя на родине одну из крупнейших в мире иудейских религиозных общин (начало интенсивного процесса ее формирования было положено еще в конце XII в., а расцвет пришелся на XIV–XVI вв.). В отечественной истории подобное событие, связанное с более или менее массовым превращением евреев в русских подданных, состоялось, пожалуй, впервые. Проживавшие в Белоруссии и Литве евреи представляли собой корпорацию с особым юридическим статусом и традиционным образом жизни. Отношения польской иудейской общины с различными государственными органами и шляхтой строились на сложной и запутанной системе соглашений, определявших права и обязанности евреев и создававших легальную базу их хозяйственной и общинной деятельности. Местные иудеи пользовались свободой вероисповедания и правом создания автономных общин, им разрешалось заниматься экономической деятельностью, а также селиться в большинстве регионов страны.

Война нарушила их сложившийся уклад в политических, юридических и экономических рамках Речи Посполитой, а ряд евреев оказался в русском плену. При этом к «старозаконным» полякам (как они сами себя называли) применялись те же правила, которые были установлены и для остальных захваченных в плен мирных жителей. Однако наличие в Московии большого числа иноземцев и иноверцев заставило русское правительство задуматься об урегулировании сложившейся ситуации. Поэтому вскоре после окончания военных действий в Литве встал вопрос о дальнейшей их судьбе, требовавший законодательного разрешения. Сохранилась приказная переписка, касающаяся вопроса о пленных, попавших в период русско-польской (Смоленской) войны 1632–1634 гг. на территорию Московского государства: поляках, литовцах, «немецких людях» (в России той эпохи «немцами» именовали выходцев из Западной Европы), черкасах (так русские источники XVI и XVII вв. называют украинских казаков и жителей Украины) и, наконец, евреях. Как следует из этих документов, в 1634 г. царь Михаил Федорович повелел их «сыскивать и отпускать» за границу в Литву, кроме крестившихся и желающих остаться в России¹.

Как известно, процесс укоренения последних в новой стране имел вполне определенную специфику: практически все осевшие во внутренней России евреи были вынуждены креститься, поскольку проживание иноверцев-иудеев здесь со времен царя Ивана IV Грозного, утверждавшего, что они русских людей «от христианства отводили и отравные зелья в наши земли привозили, и пакости многим людям нашим делали»², было строжайше запрещено. (Так как до него договоры между российским и польско-литовским правительствами о взаимном допущении купцов не заключали в себе ограничений для евреев, то последние неоднократно приезжали в московские пределы на общих основаниях, например, при Василии III.) Некоторые из них воспользовались сложившейся ситуацией и, приняв православие, постепенно растворились в окружающем населении³. Впрочем, имеются документальные свидетельства того, что и в этот период в Великодержавию приезжали польские евреи, исполнявшие поручения королевского двора и казны⁴. Уже вскоре после окончания первой русско-польской войны отдельные представители зажиточного еврейского купечества упоминаются в межгосударственной переписке, причем на самом высоком уровне.

Так, в грамоте польского короля Владислава IV⁵ к царю Михаилу Федоровичу от 12 ноября 1637 г. содержалась просьба о разрешении приехать в Россию фактору и королевскому купцу Арону Марковичу с целью покупки разной «рухляди» и прочих товаров для королевского обихода и отпуске его обратно в Польшу⁶. Король, в частности, писал: «...Посылаем фактора и купца нашего королевского величества Арона Марковича, жида города нашего столного Великого князства Литовского Вилна, в панства Ваши, брата нашего, государства Московского для скупенья розных футор и товаров на властную нашего королевского величества потребу. А он те ж, яко купец, многих дорогих товаров везет з собою для проданья в господарства Ваши, брата нашего»⁷. При этом монарх ссылался на прежние dokonчальные грамоты и договоры, в которых говорилось о разрешении польским и литовским «купецким людям» приезжать в Московию с любыми товарами, торговать здесь без взимания пошлин и свободно возвращаться к себе на родину. (В свое время, в 1550 г., Сигизмунд II Август⁸ также просил Ивана Грозного позволить еврейским купцам торговать, «как по старине», но, как сказано выше, польский монарх получил отрицательный ответ.) Грамота была доставлена в Москву с гонцом 12 января 1638 г., однако точно не известно, приезжал ли тогда виленский купец в нашу страну и, если приезжал, каковы были результаты его деловой поездки.

Зато нам точно известно, что спустя короткое время А. Маркович появился в пределах России с коммерческой целью, но эта попытка оказалась для него неудачной. Об этом свидетельствует следующий документ, текст которого мы приводим ниже. 1 января 1639 г. на имя царя Михаила Федоровича направляется отписка вяземских воевод — стольника князя Г. С. Куракина⁹, Д. А. Заметцкого¹⁰ и дьяка И. Кудрина¹¹: «В нынешнем, государь, во 7147 (1638) году декабря в 12 день в Вязме в съезжей избе подал нам, холопом твоим, таможенной и кобатцкой голова Иван Ляпин роспис, а в росписи, государь, иво написано: Декабря ж в 10 день явил литовской купец вилнивец Арон Марков на трех возех товару дватцат половинок сукна еренкового, дватцат четьи ребобра, семдесят аршин тафты, пят аршин бархоту, тканица жемчужная, три тысеци рублей денег с ним три пяхолка. И декабря ж, государь, в 16 день сказывал нам, холопом твоим, голова стрелецкой Григорей Семичов, а ему де сказывали на Гостине дворе литовские купцы розных городов, про того вилневца про Арона Маркова, что де тот Арон родом жидовин. И мы, холопи твои, голове стрелетцкому Григорию Семичову того жидовина Арона Маркова велели из Вязмы выслати за рубеж. И декабря, государь, в 20 день тот жидовин Арон из Вязмы в Дорогобуж выслан»¹². Таким образом, по доносу стрелецкого головы, инициированного литовскими купцами, о появлении в российском пограничье еврейского торговца, вяземские воеводы выслали последнего назад, в Литву.

Данный факт свидетельствует о том, что в правление Михаила Федоровича, так же, как и во второй половине XVI в., власти относились к евреям с особой неприязнью, препятствуя их приезду с товарами из-за рубежа. И несмотря на то, что правители Речи Посполитой настаивали, чтобы евреев пропускали хотя бы до Вязмы, русскому посольству, отправленному в Варшаву в 1638 г., поручено было заявить польскому правительству, что «жидам отнюдь в Россию не въезжать». В свою очередь русские купцы не питали симпатий не только к полякам, но и к прочим иноземцам; польско-литовским же торговцам разрешили бывать только в пограничных городах, а в Москву и близлежащие города ездить им было запрещено.

Во второй половине XVII в., в царствование Алексея Михайловича, наблюдается процесс некоторой активизации торговли России с другими странами, в том числе посредством еврейских купцов и мещан. Причем, это происходило несмотря на то, что после заключения Андрусовского мирного договора с Польшей в 1667 г. иностранцев в Московии стали подвергать новым стеснениям. В связи с этим здесь в первую очередь стоит упомянуть «Дело об отпуске из Москвы в иностранные государства жидов Самоила Яковлева с товарищами его для покупки венгерского вина» 1672 г.¹³ Как следует из архивных документов, 5 июня этого года пятеро торговцев-«евреян» — Самоил Яковлев, Лазарь Яковлев, Давыд Василев, Осип Алексеев и Яков Степанов — получили в Москве, в Посольском приказе, проезжую грамоту от царя Алексея Михайловича на свободный проезд до литовской границы. Их путь пролегал по Смоленской дороге через города Можайск, Вязьму, Дорогобуж и Смоленск. Купцам предоставлялось право беспошлинного провоза товаров и выделялся необходимый транспорт. Посольский приказ направил местной администрации («по городом <...> воеводам нашим и всяким приказным людям») наказную память о беспрепятственном их пропуске до границы и память в Ямской приказ о предоставлении подводы.

В этом документальном источнике обращает на себя внимание то обстоятельство, что в Московию приезжали именно шкловские мещане. Как известно, белорусское местечко Шклов (в Польско-Литовском государстве имевшее статус города), расположенное по обе стороны р. Днепр в 22 верстах от Могилева, отличалось довольно высоким уровнем развития торговли и ремесел, которые в

значительной степени осуществлялись евреями¹⁴. Немаловажно и то, что это селение с многочисленной еврейской общиной находилось на транзитном пути между Польшей и Россией, и через него в обе стороны проходил весьма внушительный объем разнообразных товаров. Кроме того, винная торговля являлась одним из главных занятий местных купцов, и в России, несомненно, об этом знали. Поэтому когда царь Алексей Михайлович задумал приобрести для своего двора большую партию венгерского вина (а токайские вина считались в то время одними из лучших), за помощью он обратился именно к шкловским евреям.

Кроме того, обнаружен еще ряд источников, касающихся торговой деятельности в России шкловца Самоила Яковлева. Причем, как видно из этих материалов, он далеко не единожды приезжал в Московское государство по коммерческим делам. Так, в мае 1679 г. «иноземец, королевского величества евреинин, житель города Шклова Самошка Яковлев» подает челобитную уже на имя нового царя Федора Алексеевича о выдаче ему и четырем его «челядникам» проезжей грамоты до литовской границы¹⁵. Он писал, что «приволокся к Москве» и привез сюда партию сукна, а на вырученные деньги закупил товар для отправки на родину. Необходимая купцу грамота на проезд «без задержания» через Смоленск за границу, «в сторону брата нашего наяснейшаго, великого государя Яна Третяго¹⁶», была ему тогда же выдана: она предназначалась смоленскому стольнику князю М. И. Лыкову¹⁷ «с товарищи» (т. е. воеводам)¹⁸. Саму проезжую грамоту коммерсант должен был отдать в Смоленскую приказную избу при выезде из города.

Здесь, однако, следует отметить интересный факт — при этом на обороте отпуска грамоты (где помещен текст расписки С. Яковлева в ее получении) указывалось, что вместе с ним нашу страну не покидает его земляк-мещанин Моисей Яковлев, видимо, оставшийся в Москве: «<...> А в тех людех, что писаны в сей проезжей, евреинина ж Моисея Яковлева сына Друкаря нет, и за рубеж с теми людьми он, Моисей, не едет. Салдацкова строю капитан Иван Таичинский вместа евреинина Самоилы Друкарева (Яковлева. — Д. Ф.), что ему собою евреинина ж Моисея Друкарева не свезть с Москвы, и руку приложил»¹⁹. Из этой записи можно сделать вывод, что и Самойло, и Моисей Яковлевы были близкими родственниками, возможно братьями (имея прозвище Друкарь или Друкарев), и одновременно в 1670-х гг. осуществляли международные коммерческие операции, находясь под покровительством русских монархов. Кстати, фамильное прозвище «Друкарь» (в переводе с польского языка означающее «печатник»), встречается в документах в непосредственной связи с белорусскими торговцами Яковлевыми в первый и единственный раз.

Архивные источники также свидетельствуют о том, что летом 1674 г. шкловские мещане Моисей Яковлев и Моисей Эвелев получили разрешение от царя Алексея Михайловича отправиться из столицы в Смоленск и далее до литовской границы²⁰. Об этом говорится в отпуске грамоты смоленскому стольнику князю М. А. Голицыну²¹ «с товарищи». Еврейских коммерсантов в дороге сопровождал толмач Посольского приказа М. Дроздов, который после выполнения своего задания должен был вернуться в Москву. Отписку же об исполнении этого указа стольнику в царской «отчине в Смоленеске» надлежало подать в приказ окольничему А. С. Матвееву²², думному дьяку Г. К. Богданову²³ и дьякам Я. Поздышеву²⁴, И. Евстафьеву²⁵ и В. Бобину²⁶.

Известно также, что в апреле 1675 г. Моска Яковлев, «человек» еврея Иуды Исаева, получил проезжую грамоту по городам для беспрепятственного пропуска его «с Иудиною рухледью» за рубеж с указанием о взятых с него налогах²⁷. Запись данной грамоты (за приписью дьяка Е. И. Украинцева²⁸) содержится в одной из книг пошлинных дел Печатной конторы, которая собирала пошлины с поданных на имя царя Алексея Михайловича челобитных. К этому можно добавить, что Иуда и Яков Исаевы в 1671–1676 гг. поставляли в российскую казну сукно. По этой причине они сами не раз приезжали в Московию и возвращались в Литву, пользуясь проезжими грамотами. Поскольку они осуществляли поставки в казну, то пошлину с них не брали и даже выделяли под товары казенные подводы. Упоминания об Иуде Исаеве как казенном поставщике встречаются в источниках и позднее.

В 1674 г. бил челом государю Алексею Михайловичу еврей Моисейко Исаев. «Приволокся я, работник твой, — писал он в челобитной, — к Москве для торгового своего промыслишку». Однако здесь он заболел и пролежал два месяца; с ним приехала его мать, «еврейка же Маремьяница». Мать М. Исаева умерла в Москве, и осиротевший купец просил государя отпустить его за рубеж с телом матери. Алексей Михайлович разрешил дать проезжую грамоту. Еще известно, что в ноябре 1676 г. «королевского величества евреинин Моска Яковлев» просил последующего царя Федора Алексеевича отпустить его с двумя «челядниками» из Москвы, куда он приезжал «для своего торгового промыслишку и для долговой взятки», в Польшу и выдать ему соответствующую проезжую грамоту до границы²⁹. Согласно резолюции, следовало снести с таможенной на предмет уплаты им пошлины и выдать шкловскому мещанину необходимый акт для проезда «в сторону королевского величества»³⁰.

Таким образом, перечисленные здесь персоналии входили в ограниченное число «избранных» иудеев, занимавшихся продажей привозимых ими иностранных товаров и поставлявших их к московскому царскому двору. Видный русский историк С. М. Соловьев так писал в своей «Истории России» по этому поводу: «Жида в царствование Алексея Михайловича умели добыть себе <...> грамоты с красною печатью; они приезжали в Москву с сукнами, жемчугом и другими товарами и получали комиссии от Двора». Причем, в тех случаях, когда эти еврейские купцы осуществляли поставки специально для казны, то пошлин с них не взимали и даже давали для перевозки продукции казенные подводы, а также жаловали их царскими подарками.

Но хотя экономические интересы царского двора требовали разрешать отдельным иностранцам, в том числе евреям Польши и Литвы, приезжать по коммерческим делам, в целом доступ их в пределы государства тогда был значительно затруднен, поскольку московские власти стремились оберегать народный быт и православие от влияния иноверцев и всячески противодействовали появлению чужеземцев. Для польско-литовских евреев, осуществлявших торговлю с Россией, пограничным пунктом был определен г. Смоленск. Именной указ царя Федора Алексеевича от 12 сентября 1676 г.³¹ и вслед за ним Торговый устав от 11 сентября 1677 г.³² вполне четко определяли: «Которые еврейны впредь приедут с товары утайкою к Москве и учнут являться и товары свои записывать в Московской большой таможене, и тех евреян из Приказа Большаго приходу присылать в Посольской приказ, и товаров их в таможене не записывать, для того что, по указу великаго государя, евреян с товары и без товаров из Смоленска пропускать не велено». В торговом договоре, заключенном с Польшей в 1678 г., было предусмотрено, что евреи, в отличие от прочих польско-литовских торговых людей, не могут приезжать в Москву. Таким образом, в правление Федора Алексеевича политика по отношению к еврейским купцам вновь ужесточается.

Нелишне заметить, что, кроме приезжих торговцев, в Московском государстве (в том числе в столице) проживало большое число евреев, которые попали сюда в качестве военнопленных, а затем получили свободу. Как правило, приняв христианство, они селились в различных московских слободах: Немецкой, Мещанской, Бронной, а затем сливались с окружающим населением.

Примечания

¹ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. Стб. 102. Ч. 1. Л. 1.

² Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. СПб., 1887. Т. 2: (1533–1560). С. 341–342.

³ См.: Гессен Ю. И. История еврейского народа в России. Л., 1925. Т. 1. С. 10.

⁴ Подробнее об этом см.: Гессен Ю. И. 1) Триста лет назад: Евреи в Московском государстве до и после Смуты // Восход. СПб., 1913. № 9. С. 34–38; 2) Евреи в Московском государстве в XV–XVII вв. // Еврейская старина. 1915. Вып. 1. С. 1–19; Вып. 2. С. 153–173.

⁵ Владислав IV (1595–1648). В 1632–1648 гг. король польский и великий князь литовский; в Смутное время, в 1610 г., был признан Боярской думой русским царем.

⁶ РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). Оп. 2. Д. 38. Л. 1–4.

⁷ Там же. Л. 1.

⁸ Сигизмунд II Август (1520–1572). В 1548–1572 гг. король польский и великий князь литовский.

⁹ Куракин Григорий Семенович был воеводой в Вязьме в 1637–1638 гг.

¹⁰ Заметцкий (Замыцкий, Замытцкий, Замытский) Данила Андреевич был товарищем (заместителем) воеводы в Вязьме в 1637–1638 гг.

¹¹ Кудрин Исаак был товарищем (заместителем) воеводы в Вязьме в 1636–1638 гг.

¹² РГАДА. Ф. 141 (ПДСЛ). Оп. 1. 1638 г. Д. 44. Л. 4–4 об.

¹³ Там же. Ф. 138 (Дела о Посольском приказе и о служивших в нем). Оп. 1. 1672 г. Д. 10. Л. 1–3. Оpubл.: Еврейские купцы в Москве XVII в.: «Дело об отпуске из Москвы в иностранные государства жидов Самоила Яковлева с товарищами его для покупки венгерского вина» 1672 г. июня 5 / Публ. Д. З. Фельдмана // Российский архив: (История Отечества в свидетельствах и док. XVIII–XX вв.). М., 2003. Вып. 12. С. 9–12.

¹⁴ Подробнее о еврейской общине Шклова см.: Цинберг С. Л. Шклов и его «просветители» конца XVIII века // Еврейская старина. 1928. Т. 12. С. 17–44; Фельдман Д. З. Из истории шкловских евреев (по материалам Российского государственного архива древних актов) // Вестник Еврейского ун-та в Москве. 1994. № 3. С. 28–38; Fishman D. E. Russia's first modern Jews: The Jews of Shklov. N. Y., 1995. P. 46–52; Анищенко Е. К. Черта оседлости: (Белорусская синагога в царствование Екатерины II). Минск, 1998. С. 97–114.

¹⁵ РГАДА. Ф. 159 (ПДНР). Оп. 2. Д. 1976. Л. 1.

¹⁶ Ян III Собеский (1624–1696). В 1674–1696 гг. король польский и великий князь литовский; в 1686 г. заключил вечный мир с Россией.

¹⁷ Лыков Михаил Иванович (1640–1701) был воеводой в Смоленске в 1677–1679 гг.

¹⁸ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1976. Л. 2–2 об.

¹⁹ Там же. Л. 2 об.

²⁰ Там же. Ф. 145 (Смоленский приказ). Оп. 1. 1674 г. Д. 8. Л. 1–3.

- ²¹ Голицын Михаил Андреевич (1639–1687) был воеводой в Смоленске в 1672–1675 гг.; его товарищами были окольный М. С. Пушкин и стольник В. Я. Дашков, с 23 февраля 1675 г. — стольники М. П. Головин и К. А. Яковлев.
- ²² Матвеев Артамон (Артемон) Сергеевич (1625–1682) управлял Посольским приказом в 1671–1675 гг.
- ²³ Богданов Григорий Карпович был думным дьяком Посольского приказа в 1671–1676 гг.
- ²⁴ Поздышев Яков был дьяком Посольского приказа в 1669–1674 гг.
- ²⁵ Евстафьев Иван был дьяком Посольского приказа в 1672–1675 гг.
- ²⁶ Бобинин (Бабинин) Василий Иванович был дьяком Посольского приказа в 1673–1696 гг.
- ²⁷ РГАДА. Ф. 233 (Печатный приказ). Оп. 1. Кн. 185. Л. 161 об.
- ²⁸ Украинцев (Украинцов) Емельян Игнатьевич (1641–1708) был дьяком Посольского приказа в 1675–1680/81 гг.
- ²⁹ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1587. Л. 1.
- ³⁰ Там же. Л. 1 об.
- ³¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 2. № 662.
- ³² РГАДА. Ф. 276 (Коммерц-коллегия). Оп. 1. Д. 1737. Л. 1. См.: *Шугуров М. Ф.* История евреев в России // РА. 1894. № 1. 65–66.

И. Р. Соколовский

ЗНАЧЕНИЕ ПУБЛИКАЦИИ СИБИРСКИХ ТАМОЖЕННЫХ КНИГ XVII в., ОСУЩЕСТВЛЕННОЙ ПОД РУКОВОДСТВОМ Д. Я. РЕЗУНА

«Таможенные книги сибирских городов XVII века» — серийное издание, издававшееся под грифом Института истории Сибирского отделения РАН в 1997–2004 гг. (тогда он официально назывался ИИОИИФ СО РАН). Всего вышло шесть выпусков: Сургут и Тара (Вып. 1), Туринск, Кузнецк, Томск (Вып. 2), Верхотурье и Красноярск (Вып. 3), Тюмень и Пелым (Вып. 4), Тобольск и Кетск (Вып. 5), Томск, Нарым, Березов (Вып. 6)¹. К этим книгам примыкает работа Д. Я. Резуна «Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: Общее и особенное»². В этой книге опубликованы таможенные документы Мангазеи и Енисейска. Общий объем публикации может быть оценен приблизительно в 60–65 авторских листов.

Публикация такого объема не могла быть осуществлена только за счет средств Института истории. Она была поддержана грантами РГНФ (вып. 1, 3, 5) и деньгами многочисленных спонсоров и меценатов: А. М. Лаврентьева, В. Т. Буркацкого (Вып. 3), М. А. Василенко (Вып. 4), И. В. Кудинча (Вып. 6). Часть расходов была покрыта за счет издательства «РИПЭЛ».

Программа издания, о чем имеется глухая ссылка в предисловии к первому изданию, предусматривала публикацию таможенных книг, хронологически относящихся к началу последней четверти XVII в.³ Однако по причинам, связанным как с сохранностью и доступностью источников, так и с финансовыми проблемами, публикаторам не удалось выдержать ее до конца (см. рис.). Два опубликованных источника серии относятся к рубежу первой четверти XVII в. (таможенная книга Томска 1624/25 г. в Вып. 2 и расходная книга Кетска за 1628/29 г. в Вып. 5). К концу третьей четверти столетия относятся опубликованные документы Томска, Тюмени, Тобольска, Верхотурья, Нарыма, Красноярска, Сургута, Тары, Туринска, Пельма, созданные в 1671–1675 гг. К последней четверти столетия относятся публикации документов Пельма, Мангазеи, Нарыма, Березова, Енисейска и Кузнецка (1677–1697). Такое разнообразие дат может расцениваться не только как недостаток, но и как определенное преимущество. Например, торговля Томска может быть рассмотрена в диахронной перспективе от 1624/25 по 1671/72 г. В какой-то мере можно отследить влияние на сибирскую торговлю эпохи «заката Московского царства» и предвестия петровских реформ⁴.

Еще одним моментом, отражающим бедственное финансовое положение издателей, является включение в состав сборников так называемых приложений, содержащих публикации, прямо не относящихся или относящихся косвенно к публикуемым документам. Зачастую это была единственная возможность их публикации. В первом выпуске это первая часть автобиографии О. Н. Вилкова⁵, в четвертом — источниковедческая статья Д. В. Раева о книгах пивных варей Сургута за 1702 и 1710 гг.⁶ Пятый выпуск содержит список трудов О. Н. Вилкова за 1958–2001 гг., фактически исчерпывающий, поскольку Вилков, скончавшийся в декабре 2005 г., ничего не публиковал с момента своего увольнения из института истории в 2001 г. В этом же выпуске приведен список из 197 работ (последняя работа — монография И. П. Каменецкого 2002 г.⁷), в которых упоминаются труды О. Н. Вилкова. Остальные выпуски вышли без подобных приложений.